

Индивидуальность как философско-педагогический принцип

Андрей Александрович Остапенко — заместитель директора Азовского государственного педагогического лицея, доцент кафедры дополнительного педагогического образования Кубанского государственного университета, кандидат педагогических наук

«Не отряхайте с цветов махровости», — так образно сформулировал В.В. Розанов [1990, 93] требование принципа индивидуальности.

Прежде чем подробно раскрывать содержание этого принципа и очерчивать пути его реализации, необходимо, видимо, разобраться в терминах, ибо трактовка этого латинского слова весьма широка. Семантический спектр слов с корнем *индивид* несёт в себе и отрицательный смысл (индивидуализм как ячество), и положительный (индивидуальность как своеобразие), и социальный (индивидуальное как личностное), и биологический (индивидум как особь).

В русском языке корень *индивид* (со всеми сопутствующими суффиксами) появился в 30-е годы XIX столетия. Этимологически латинское слово **individ** соответствует греческому атом, означает **неделимый, нерассечённый, нерезанный** [in (лат.) = не (русск.), a dividere* (лат.) = резать, делить, рассекать (русск.)]. Г.П. Цыганенко [1989, 157] определяет индивидуальный как **«цельный, далее не делимый»**. Определение индивидуальности как целостности особенно важно при подходе к человеку.

* От лат. dividere — дивизия (подразделение), дивиденд (доля).

Принцип индивидуальности следует рассматривать как необходимый и педагогически целесообразный для *сохранения и поддержания целостности, своеобразия, своеобычности, личности, особенности, непохожести* каждого воспитанника, каждого педагога, каждой школы, каждого впечатления, падающего на каждую душу. Такое понимание индивидуальности не противоречит пониманию категории индивидуальности, принятому в философии и педагогике.

«Индивидуальность — 1) своеобразие, совокупность качеств и отличительных свойств, выражающих сущность особенного, отдельного индивида; 2) в отличие от личности специфическое в индивиде» [Краткая философская энциклопедия, 176].

«Индивидуальность — неповторимый, самобытный способ бытия конкретной личности в качестве субъекта самостоятельной деятельности, индивидуальная форма общественной жизни человека» [Философский словарь, 157].

«Индивидуальность — человек, характеризующийся со стороны своих социально значимых отличий от других людей; своеобразие психики и личности индивида, её неповторимость» [Психология. Словарь, 136].

В отличие от этих определений педагогическое понимание принципа индивидуальности предполагает **сохранение и укрепление** именно своеобразия личности человека, лица школы, образа изучаемого материала. Найти, увидеть, зафиксировать **особенное** — вот этапы реализации принципа индивидуальности.

В зависимости от того, *в чём* проявляется **особенное**, можно выделить разные *проявления* этого принципа. И *первое* из них — *проявление и развитие индивидуальности отдельной личности* как члена социального организма, колорит которого и будет зависеть от колорита каждого члена.

По мнению В.В. Розанова, социальными институтами, бережно соблюдающими принцип индивидуальности, являются семья и Церковь, ибо они **«индивидуальны в способах своего воздействия, в своём воззрении на человека — в том, как относятся к нему. Они к этому способны не по сознанию долга, не по доблести, не потому, что они**

лучше всего остального; потому, что внутренни, субъективны, знают в лицо человека, а не род только, не группы людей. Они в воспитании суть наилучшая. И, в обратность этому, менее всего доверяйте большим, строго организованным, хорошо дисциплинированным школам: что бы они ни дали вам, они отнимут у вас драгоценнейшее, чем то, что вы получите от них» [Розанов В.В., 1990, 93].

Школа не может быть большой. Школа не может быть на несколько тысяч мест (почему-то «мест», а не учащихся). Именно в такой «школе» индивидуальность находится в небрежении. И это объективно. Школа должна быть такой, чтобы её руководитель (директор, заведующий) имел возможность знать не только имена всех своих воспитанников, но и имена их родителей. Взглянув на ученика, он должен видеть в нём личность со всем спектром её интересов, со всем солнышком её лучей-отношений, а не просто представителя (элемента) учебной безликой массы, в которой непросто запомнить даже каждого десятого. Только небольшая школа может хоть в какой-то мере приблизиться к тому, чтобы знать «в лицо» человека, а не «человека вообще». Только в небольшой школе можно создать атмосферу *дома* (что уже ближе к семье) и только в очень небольшой — атмосферу *Храма*.

Один из вариантов — школа «на дому» у учителя. В особенности это хорошо для начальной школы, где нет нужды в большом количестве учителей-предметников. В этом случае можно говорить о школе учителя «такого-то», а не о школе «вообще». Говоря об учительском доме, можно говорить об учительском городке, состоящем из учительских домов с учебными классами-лабораториями. Центром городка должно быть здание (или несколько зданий), включающее в себя административные помещения, библиотеку с читальными залами, киноконцертный зал, столовую и все спортивные сооружения. И, наверное, Храм.

Конечно же, речь идёт в первую очередь о сельской школе — центре культуры, центре духовности всего села, посёлка, станицы. Именно у сельской школы гораздо больше шансов стать школой, где в полной мере можно реализовать *индивидуальность* каждого: и учителя, и ученика, и родителя.

Таким образом, мы плавно перешли ко *второму* проявлению принципа индивидуальности — *индивидуальности лица школы*.

Каждая школа есть школа конкретного села (города) со своей ни с кем не схожей историей и традициями, со своей особенной природой, со своими промыслами, ремёслами и производством, а главное — со своими особенными людьми. Во-вторых, это школа, руководителем которой является конкретный человек, в которой преподают конкретные учителя со своими конкретными характерами, устоями и нравами. Все эти и многие другие компоненты создают особенное лицо каждой конкретной школы. Наличие этого особенного лица у каждой школы и составляет многообразный колорит всей системы образования. Поэтому видится логичным нынешнее сокращение всяческих нормативов и требований, которые унифицировали бы все школы, делали их одинаковыми. Необходимы образовательные стандарты, устанавливаемые и регулируемые государством, но пути их реализации должны быть индивидуальными. Именно те школы, которые имеют своё лицо, как правило, имеют и своё имя. Ни у кого ведь не возникает вопросов, когда звучит «Школа Сухомлинского», «Школа Захаренко» и т.д.

Но, конечно же, главная индивидуальная черта школы — её национальная (или многонациональная) ориентированность.

Третье проявление принципа индивидуальности есть *коллективная индивидуальность* (= *самобытность*) *народа*, именуемая **национализмом**. Понимая, что в сегодняшнее время, окрашенное национальной рознью, понятие «национализм» несправедливо обрело негативный оттенок, видимо, верно будет заменить его понятием **народности**, ибо «**народность, как мы думаем, есть индивидуальность народа, полнота его природённых способностей и всего его душевного (духовного) склада**» [Хомяков Д.А., 222]. И «**верно, что дух есть sui generis коллективное единство**» [Шнеп Г.Г., 495].

Так же как целью и средством достижения личностной индивидуальности является *самопознание*, так для обретения коллективной индивидуальности (народности) пригодны та

же цель и то же средство. «От постижения своей собственной природы человек или народ путём углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов. А выводом из этих постижений является утверждение своей самобытности, стремление быть самим собой. И не только стремление, но и умение. Ибо тот, кто самого себя не познал, не может, не умеет быть самим собой» [Трубецкой Н.С., 37]. Одна из задач национальной школы (а иной она быть не может) и есть формирование умения к самопознанию своего национального характера. Общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности (так лихо ныне навязываемые) невозможны. Их «осуществление» (если, не дай Бог, это произойдёт) будет лишь обезличиванием одних народов «под» других (как когда-то стригли «под канадку»), «всякая честная деятельность, как личная, так и народная, общечеловечески полезна, лишь когда она проникнута народной индивидуальностью: всякое же искание общечеловеческого, достижимо будто бы, помимо народного, есть самоосуждение на бесплодие <...>» [Хомяков Д.А., 225]. Познание самого себя на уровне народа как коллективного целого есть создание самобытной национальной культуры как «совокупности элементов национальной психологии» [Трубецкой Н.С., 41]. Важнейшая составляющая национальной культуры есть национальное воспитание, которое заключается в формировании духовного уклада бессознательного. «Воспитание детей есть именно пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление в нём их сердца, их воли, их воображения и творческих замыслов» [Ильин И.А., 1993, 237]. Именно И.А. Ильин, на наш взгляд, самый русский из русских философов, наиболее чётко сформулировал основные идеи русской школы в работе «Путь духовного обновления». Эти идеи в полной мере отразились в концепции русской школы, разработанной Национальным фондом «Русская школа», где рассмотрены следующие воспитывающие факторы:

Родной язык. «Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, всё прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Всё это ребёнок должен получить вместе с молоком матери (буквально). Особенно важно, чтобы пробуждение самосознания и личностной памяти ребёнка (обычно — на третьем, четвёртом году жизни) совершилось на его родном языке. При этом важен не тот язык, на котором говорят при нём другие, а тот язык, на котором обращаются к нему, заставляя его выражать на нём его собственные внутренние состояния. Поэтому не следует учить его чужим языкам до тех пор, пока он не заговорит связно и бегло на родном языке, не следует учить его никакому иностранному чтению. В дальнейшем же в семье должен царить культ родного языка <...>» [Ильин И.А., 237].

«Учение детей отечественному языку имеет три цели: во-первых, развить в детях ту врождённую способность, которую называют даром слова; во-вторых, ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка и, в-третьих, усвоить детям логику этого языка, т. е. грамматические законы в логической системе. Эти три цели достигаются не одна после другой, но совместно» [Ушинский К.Д., 122]. Наиболее последовательное решение этих задач, на наш взгляд, предусмотрено «Концепцией преподавания русского языка в средней общеобразовательной школе», разработанной комиссией по вопросам преподавания литературы и русского языка ОЛЯ РАН, утверждённой 21 июня 1993 года [см.: Журавлёв В.К., Троицкий В.Ю.].

Учитель языка национальной школы должен понимать, что язык есть не просто средство общения и преподавания информации, а то, что язык «есть одновременно дело и действенная сила; соборная (подчёркнуто мной. — А.О.) среда, совокупно всеми непрестанно творимая, предваряющая и обуславливающая всякое творческое действие в самой колыбели его замысла; анатомическое совмещение необходимости и свободы, божественного и человеческого; создание духа народного и Божий народу дар. Язык, по Гумбольдту, — дар, доставшийся народу как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия» [Иванов Вяч., 159].

Народная песня. «Ребёнок должен слышать русскую песню ещё в колыбели. Пение принесёт ему первый душевный вздох и первый духовный стон: они должны быть русскими. <...> Пение научит его первому одухотворению душевного естества — по-русски; пение даст ему первое не — животное счастье — по-русски. <...> Надо завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, — наигрывая, напевая, заставляя подпевать и петь хором. Всюду, по всей стране, надо создавать русские хоры — церковные и светские, организовывать их, объединять, устраивать съезды русской национальной песни. Хоровое пение национализирует и организует жизнь, — оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении» [Ильин И.А., 238].

Молитва. «Живое многогласие и многохваление Господа, идущее от мира, требует, чтобы каждый народ молился самобытно; и эту самобытную молитву надо вдохнуть ребёнку с первых лет жизни.

Молитва даст ему духовную гармонию; пусть он переживёт её по-русски. Молитва даст ему религиозный опыт, приведёт его к религиозной очевидности — по-русски. Молитва даст ему источник духовной силы — русской силы. Молитва научит его сосредотачивать чувство и волю на совершенном — по-русски» [Там же].

Русская школа есть школа православная. «Православие, как вера, в точном смысле этого слова, высшее сопоставление с каким бы то ни было другим началом земного бытия; но как начало просветительное, точнее, как просвещение бытовое, из веры вытекающее <...>. Таким образом, оно законно могло быть вставлено в «девиз» отечественного; если бы его так поняли, то оно, вероятно, в школе не осталось бы на степени одной догматики (без которой, конечно, обойтись нельзя), обратилось в изучение того, на основании Православия сложившегося мировоззрения, которое создало русский народ, каков он есть» [Хомяков Д.А., 20].

Фундаментальное обоснование православных корней педагогики дал В.В. Зеньковский. Продолжая и развивая идеи Ушинского и Рачинского, он в книге «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» формулирует не только основные проблемы воспитания, но и принципы православной педагогики. Для него «основной и руководящей идеей является идея целостного синтеза и органической системы, растущей из основ Православия и охватывающей всю полноту той реальности, к которой она обращена, а вместе с тем «диалектически» завершающей ход идей в развитии педагогической мысли. Речь ведь идёт не о том, чтобы искусственно связать истины Православия с проблемами и построениями современной педагогики, а о том, чтобы раскрыть внутреннюю связь подлинных и серьёзных достижений современной педагогической мысли с тем глубоким пониманием человека, которое развивает христианство. Этот синтез должен быть органическим, а не искусственным, подлинным, а не словесным» [Зеньковский В.В., 23].

Сказка. «Национальное воспитание неполно без национальной сказки. Ребёнок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации. Приобщение к чужеземным сказкам вместо родных будет иметь те же самые последствия» [Ильин И.А., 238–239]. Народная сказка воспитывает в ребёнке чувство героического, учит переживать и испытания, и трудности, и победы. Сказка воспитывает и пробуждает национальное мифологическое сознание, стремление к «красоте ненаглядной», чувство сопричастности и связанности с родной природой, стремление к высокому, к заоблачному, воспитывает веру во всепобеждающую силу добра. Воспитательная возможность сказки, её нравственное зерно состоит в том, что именно в сказке народной веками сохраняется то, что дорого народу, именно в сказке сохраняются устойчивые нравственные ориентиры народа, «сказка заключает в себе что-то для всех народов и всех времён важное и нужное, а поэтому незабываемое» [Трубецкой Е.Н., 100].

Сказка хранит главнейшие духовные ценности. Воспитателю важно знать работу кн. Е.Н. Трубецкого «**Иное царство» и его искатели в русской народной сказке**», в которой раскрыты основные устойчивые образы-ценности русских сказок, хранящих национальные идеалы. «**Образы эти не сохранились бы памятью народной, если бы они не выражали собою не приходящих, не умирающих ценностей человеческой жизни**» [Там же]. «**Русская народная сказка — как цвет незаметных и неведомых цветов; а духовный смысл её — как тонкий благоуханный мёд: попробуешь и слышишь на языке всё неизречённое естество родной природы — и запах родной земли, и зной родного солнца, и дыхание родных цветов, и что-то тонкое и богатое, вечно юное и вечно древнее, — всё в сочетаниях неопишемого вкуса и аромата.**

Сотни лет накапливался этот аромат в незаметных и неведомых душах человеческих, в русских душах, незаметно цветших и неведомо отцветавших на равнинах нашей родины. Сотни и тысячи лет этому отстою национального духовного опыта, укрытого и развёрнутого в русских народных сказках» [Ильин И.А., 1993а, 230].

Жития святых и героев. «**Чем раньше и чем глубже воображение ребёнка будет пленено живыми образами национальной святости и национальной доблести, тем лучше для него. Образы святости пробудят его совесть <...>. Образы героизма — пробудят в нём самом волю к доблести, пробудят его великодушие, его правосознание, жажду продвижения и служение, готовность терпеть и бороться; а русскость героя — даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Всё это, вместе взятые, есть настоящая школа русского национального характера**» [Ильин И.А., 1993, 239].

«**Изучение русской святости в её истории и её религиозной феноменологии сейчас одна из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. <...> Здесь путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих. Их идеалы питали веками народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки**» [Федотов Г.П., 1990. 27]. Ребёнок должен знать имена своих национальных героев. Нелепостью было бы их незнание. Но ещё большей нелепостью являлось незнание имени св. Сергия Радонежского, неупоминание о нём при изучении Куликовской битвы. «**Уже признано высокими умами отечественными, что преп. Сергий был и остаётся воспитателем русского народа, его пестуном и духовным вождем**» [Булгаков С.Н., 13]. То же можно сказать о других почитаемых народом русских святых.

Поэзия. «**Как только ребёнок начнёт говорить и читать, как классические национальные поэты должны дать ему первую радость стиха и постепенно раскрыть ему все свои сокровища. Сначала пусть слушает; потом пусть читает сам, учит наизусть, пытается декламировать — искренно, прочувствованно и осмысленно**» [Ильин И.А., 1993, 239].

«**Наши собственные сокровища станут нам открываться больше и больше по мере того, как мы станем внимательней вчитываться в наших поэтов. По мере большего и лучшего их узнавания нам откроются и другие их высшие стороны, доселе почти никем не замечаемые: увидим, что они были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими, или действительно имея о том мысль, или её не имея, но показавши своей высшей от нас природой которое-нибудь из наших народных качеств, которое в них развилось видней затем именно, чтобы блеснуть пред нами во всей красе своей**» [Гоголь Н.В., 262].

Раскрывая ребёнку национальную поэзию, необходимо показать её музыкальность и её пророчество. Наилучшим образцом для ребёнка является русская поэзия начала — середины XIX века. Эта «**великая русская поэзия была порождением истинного чувства, восторга, вдохновения, света и огня — именно того, что мы называем сердцем и от чего душа человека начинает петь**» [Ильин И.А., 1993а, 224]. И если вместе с учителем ребёнок сможет

пройти к более поздним ступеням русского стиха, он тем самым на чувственном уровне сможет постичь «отяжеление» его, сможет почувствовать, как от «поющего сердца» золотого века русский стих перешёл к «выдумывающему рассудку» и изыску серебряного. Постигая поэзию, ребёнок сможет почувствовать и исторический путь родины.

История. «Необходимо пробудить в ребёнке уверенность, что история русского народа есть живая сокровищница, источник живого научения мудрости и силы. Душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещающий всю русскую историю, так, чтобы инстинкт его принял в себя всё прошлое своего народа, чтобы воображение его увидело всю его вековую даль, чтобы сердце его полюбило все события русской истории... Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее. Мы должны прочувствовать окрылённые слова Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». И ещё: «Клянусь вам моей честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь». При этом национальное самочувствие ребёнка должно быть ограждено от двух опасностей: от националистического самомнения и от всеосмеивающего самоунижения. Преподаватель истории отнюдь не должен скрывать от ученика слабых сторон национального характера; но в то же время он должен указать ему все источники национальной силы и славы. Тон скрытого сарказма по отношению к своему народу и его истории должен быть исключён из этого преподавания. История учит духовному преемству и сыновней верности; а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам видеть его судьбу, разуместь его путь, любить его и верить в его призванье. Тогда только он сможет быть истинным национальным воспитателем» [Ильин И.А., 1993, 239–240].

В первую очередь школьник должен познать историю отечественную, а только потом историю всеобщую. Но в постижении истории отечества необходимо начать с узнавания истории своего рода, своей семьи, своей малой родины — деревни, станицы. Ребёнок с детства должен знать свою генеалогию, иначе он будет «Иваном, не помнящим родства». Зная о своих предках, он будет чувствовать себя участником исторического потока, а не сторонним его наблюдателем. «Я считаю, — писал в письме к невестке, ждущей ребёнка, Павел Флоренский, — что знать прошлое своего рода есть долг каждого и приносит много пользы для самопознания и исправления или предупреждения возможных ошибок в жизни, так как даёт возможность учесть свои прирождённые склонности, способности и слабости» [Флоренский П.А., 425].

Любовь к предкам есть основная черта семейного воспитания, которое является началом постижения отечественной истории.

«Воспитание предков и основанное на нём семейное воспитание побеждают безнравственную рознь и восстанавливают нравственную солидарность людей в порядке времени или последовательности бытия» [Соловьёв В.С., I, 498]. «<...> если я смогу передать своим детям хотя бы самую незначительную частицу той любви, которая связывает меня с моими родителями и дедами, то тем самым они крепче укоренятся и в любви к Отечеству, в любви к той России, которая является нашей общей матерью» [Трубецкой С.Е., 44].

Армия. «Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства; оплот моей родины; воплощённая храбрость моего народа; организация чести, самоотверженности и служения — вот то чувство, которое должно быть передано ребёнку его национальным воспитанием. <...> Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, — родина остаётся без надлежащей обороны, государство распадается и нация сойдёт с лица земли. Преподавать ребёнку иное понимание — значит содействовать этому распаду и исчезновению» [Ильин И.А., 1993, 240].

Территория. Русский ребёнок должен увидеть воображением пространственный простор своей страны, это национально-государственное наследие России. <...> Русский человек должен знать и любить просторы своей страны; её жителей, её богатства, её климат, её возможности — так, как человек знает своё дело, так, как музыкант любит свой инструмент, так, как крестьянин знает и любит свою землю» [Там же].

Хозяйство. «Ребёнок должен с раннего детства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почётность, его смысл. Он должен внутренне испытать, что «труд» не есть «болезнь» и что работа не есть «рабство»; что, наоборот, труд есть источник здоровья и свободы» [Там же, 239–240]. Но труд должен быть настоящим, серьёзным, не «понарошку», труд должен быть обязательно значимым, только тогда он формирует человека. «Трудится семья, трудится всё общество, трудятся дети — около взрослых; всё серьёзно; пусть даже всё будет немножко сурово: от этого оно не перестанет быть истинно воспитательно и, следовательно, культурно» [Розанов В.В., 227–228].

Таковы основные компоненты русского национального воспитания, выделенные И.А. Ильиным. Именно такое воспитание способно создавать индивидуальный лик народа. Без этого «народы не были народами и человечество не состояло бы из тех друг друга восполняющих индивидуальностей, которые лишь в своей совокупности дают возможность всестороннего проявления полноты даров, человечеству данных» [Хомяков Д.А., 225].

Литература

1. Булгаков С.Н. Благодатные заветы преп. Сергия русскому благословствованию // Путь (Париж). 1926. № 5. С.13–14.
2. Журавлёв В.К., Троицкий В.Ю. О концепции преподавания русского языка в средней общеобразовательной школе // Русский вестник. 1994. № 27–28. С. 10.
3. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1993.
4. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992.
5. Иванов Вяч.И. Наш язык // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М.: Новости, 1991. С. 157–166.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
7. Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Ильин И.А. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993,а.
8. Ильин И.А. Когда же возродится великая русская поэзия // Там же.
9. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994.
10. Психология.: Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
11. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
12. Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1990.
13. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учёба. 1990. № 2.
14. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
15. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.
16. Ушинский К.Д. Наука и искусство воспитания. М.: Образование и бизнес, 1994.
17. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990.
18. Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991.

19. *Флоренский П.А.* Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: Моск. рабочий, 1992.
20. *Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1982.
21. *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1989.
22. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.